“ADOLAT”
MILLIY HUQUQIY AXBOROT MARKAZI
Guvohnoma № 636478
Litsenziya C-5669732

“HUQUQ va BURCH+” —
«ПРАВО и ДОЛГ+» —
"RIGHT and DUTY+"
Journal home page:
https://adolatmarkazi.uz/magazine/electron?id=335

2025-yil
11-son
noyabr
ISSN 3093-8546

Raqamli shaxslarning fuqarolik-huquqiy maqomi (Avatarlar, Si yordamchilari)

Aygirim Dosanova,
Qozog‘iston Respublikasi Adliya vazirligining "Qozog‘iston Respublikasi qonunchilik va huquqiy axborot instituti" XFY huzuridagi RDK Fuqarolik, fuqarolik protsessual qonunchiligi va ijro ishi yuritish bo‘limi yetakchi ilmiy xodimi vazifasini bajaruvchi
Yuridik fanlar nomzodi
e-mail: eygirdos@mail.ru

Аннотация. Ushbu maqolada fuqarolik huquqi kontekstida raqamli shaxslar (avatarlar, sun’iy intellekt yordamchilari) ning huquqiy subyektligi muammosi ko‘rib chiqiladi. Ko‘rib chiqilayotgan mavzuning dolzarbligi sun’iy intellekt va avatar tizimlarini tijorat, davlat va xususiy munosabatlarga faol joriy etish bilan bog‘liq bo‘lib, bu javobgarlik, boshqa mulkiy huquqlar va shartnoma majburiyatlari masalalarida bo‘shliqlar va ziddiyatlarni keltirib chiqaradi.

Калит сўзлар. sun’iy intellekt, huquqiy subyektlik, raqamli shaxs, huquqiy maqom, javobgarlik, avatar, fuqarolik huquqi.

Аннотация. В настоящей статье рассматривается проблема правосубъектности цифровых личностей (аватаров, ИИ-помощников) в контексте гражданского права. Актуальность рассматриваемой темы обусловлена активным внедрением систем искусственного интеллекта и аватаров в коммерческие, государственные и частные отношения, что порождает пробелы и коллизии в вопросах ответственности, иных имущественных прав и договорных обязательств.

Ключевые слова. искусственный интеллект, правосубъектность, цифровая личность, правовой статус, ответственность, аватар, гражданское право.

Annotation. This article examines the issue of legal personality of digital persons (avatars, AI assistants) in the context of civil law. The relevance of the topic under consideration is determined by the active implementation of artificial intelligence and avatar systems in commercial, state, and private relations, which creates gaps and conflicts in matters of responsibility, other property rights, and contractual obligations.

Keywords. artificial intelligence, legal personality, digital personality, legal status, responsibility, avatar, civil law.

Активное развитие технологий искусственного интеллекта (ИИ) и цифровых аватаров знаменует собой переход к новым формам взаимодействия, выходящим за рамки традиционных гражданско-правовых конструкций. Современные системы и ИИ-помощники больше не являются пассивными «инструментами» или «программами»; они начинают наделяться полномочиями принимать решения и, как следствие, причинять вред. Актуальность исследования возрастает в свете государственной политики по цифровизации. В Республике Казахстан внедрение ИИ активно продвигается как в корпоративном секторе, так и в государственных органах, что неизбежно ставит вопрос о квалификации действий, совершенных такими системами.

Рост числа систем ИИ, включая виртуальных аватаров, выступающих в качестве квази-представителей или самостоятельных агентов, создает фундаментальный пробел в национальном и международном законодательстве. В традиционном гражданском праве выделяются три субъекта права: физические лица, юридические лица и государство. Цифровые личности не вписываются ни в одну из существующих категорий, что порождает коллизии в вопросах правосубъектности, деликтной ответственности и распределения рисков.

Проблема правосубъектности ИИ является предметом активных научных дискуссий с середины 2010-х годов. На международном уровне наибольшее внимание привлекает концепция «Электронной личности» (Electronic person), рассмотренной Европейским парламентом в 2017 году [1]. В отечественной и зарубежной доктрине сложились следующие позиции: ИИ как объект, ИИ как новый тип «юридической личности», и ИИ как объект, но с особым правовым режимом. Однако, несмотря на теоретический материал, остается открытым вопрос о выборе наиболее практически применимой модели, которая обеспечит баланс между стимулированием инноваций и защитой прав и интересов граждан.

Материалы и методы

В ходе исследования применялись как общенаучные, так и частнонаучные методы. Диалектический метод стал основой для рассмотрения проблемы правосубъектности ИИ в развитии и в единстве ее противоречий. Формально-юридический метод применялся для изучения теоретических конструкций правосубъектности в целях выявления их границ и определения критериев неприменимости к системам ИИ. Сравнительно-правовой метод был задействован для сопоставления подходов к

регулированию ИИ в различных юрисдикциях (Европейский союз, Республика Албания) с целью выявления наиболее прогрессивных и эффективных решений.

Результаты. Обсуждение

Республика Казахстан предпринимает последовательные шаги по формированию целостной нормативной базы в сфере ИИ и цифровых технологий. Ключевым элементом данного процесса стал принятый 17 ноября 2025 года Закон Республики Казахстан «Об искусственном интеллекте» [2], вступающий в силу в январе 2026 года. Закон закрепляет определение ИИ, устанавливает правовой режим ИИ, права и обязанности собственников и пользователей, а также вводит механизмы аудита систем ИИ и оценки рисков. Параллельно продолжается работа над проектом Цифрового кодекса Республики Казахстан, который должен консолидировать разрозненные отраслевые нормы и обеспечить единообразный подход к регулированию цифровых технологий, включая ИИ-системы [3].

Институциональные преобразования дополняют нормативные инициативы. Создано Министерство искусственного интеллекта и цифрового развития Республики Казахстан, уполномоченное осуществлять государственную политику и координировать проекты в сфере ИИ. В октябре 2025 года начал работу Международный центр искусственного интеллекта, который намерен стать центром притяжения для глобального ИИ-сообщества.

На фоне активного технологического развития и нормативных изменений наиболее дискуссионным становится вопрос гражданско-правового статуса цифровых личностей. Наличие элементов автономии в их функционировании, а именно способность принимать решения, инициировать действия, взаимодействовать с пользователями и системами, усиливает потребность в определении их места в гражданско-правовой системе.

В научной доктрине уже просматриваются три конкурирующие подхода: расширение правосубъектности на ИИ; категорическое отрицание возможности «электронной личности»; признание ИИ объектом права, но с особым, усложнённым правовым режимом. При этом ни один из подходов пока не демонстрирует исчерпывающей объяснительной силы для описания гибридных форм автономного поведения ИИ, с которыми сталкивается правоприменение.

Так, К.Б. Форрест обращает внимание на историческую гибкость юридического понятия личности и предупреждает, что при столкновении общества с разумным ИИ придётся решить, заслуживает ли он какой-либо юридический статус. Отдельно автор поднимает проблему агентности и ответственности: когда необходимо определять, кто именно действует в конкретном случае – ИИ или связанные с ним

люди/организации Подход Форрест демонстрирует смещение акцента от онтологического вопроса личности к функциональной пригодности правовых механизмов, что для казахстанской практики представляется вполне релевантным: при внедрении высокоавтономных решений суды, вероятно, столкнутся именно с проблемой установления фактического «деятеля» в конкретной ситуации [4].

Напротив, Джейнс Т.Л. фиксирует тенденцию, наблюдаемую в ряде штатов США, к нормативному закреплению запрета на любую форму правосубъектности ИИ. Автор отмечает, что оценки должны быть сосредоточены на незападных традициях, культурах и мышлении, так как это может препятствовать дальнейшим дискуссиям об альтернативных концепциях индивидуальности. Существует большая необходимость в тщательном и серьезном обдумывании юридического статуса и личности ИИ, чем в принятии законодательства. С учётом того, что Казахстан находится на этапе активного формирования регулирования, слепое тиражирование подобного запрета было бы преждевременным [5].

Справедливо отмечает Рыбин А.И., что в силу скорости развития ИИ часто правовое регулирование и даже правовая доктрина не поспевают за возникающими новшествами. Получается, что законы, касающиеся ИИ, всегда оказываются «вчерашними». По наблюдению автора, предлагаемые в специализированной литературе позиции по рассмотрению модели правосубъектности часто оказываются недостаточно аргументированными в силу того, что внимание в первую очередь обращают на возможности «вписать» эту категорию в рамки уже существующих субъектов в системах законодательства, например, вписать ИИ в модель юридического лица. С другой стороны, предпринимаются попытки создать принципиально новые категории правоведения, которые не всегда встраиваются в отечественную юридическую традицию. Примером такой новой категории является понятие «электронное лицо» [6].

Отечественная доктрина также демонстрирует потребность в методологической переоценке. Сходным образом Сидорова Н.В., Дулатбеков Н.О. и Кусаинова Л.К. отмечают, что несмотря на практику внедрения ИИ в Республике Казахстан, а также в зарубежных странах отсутствует правовое регулирование данных процессов, как на уровне международного права, так и на уровне внутригосударственного права. Действующие правовые акты по вопросам информатизации и цифровизации не содержат правовых норм об искусственном интеллекте, или регулируют данные процессы крайне поверхностно и не отражают действующей практики, а также перспективных направлений развития данных процессов [7].

В совокупности анализ доктринальных позиций позволяет заключить, что современная дискуссия о правосубъектности

ИИ выходит за рамки простого определения его статуса. На первый план выходит вопрос о модели правового регулирования, которая способна сохранять внутреннюю автономию юридической системы, обеспечивать предсказуемость регулирования и одновременно – гибкость при столкновении с новыми технологическими формами поведения. Именно поиск такой сбалансированной модели и должен стать следующим этапом развития казахстанской правовой доктрины в сфере ИИ.

Практические кейсы последних нескольких лет демонстрируют, что государственные органы и организации уже пробует делегировать властные и корпоративные полномочия аватарам, что обостряет дискуссию.

Отдельного внимания заслуживает отечественный случай внедрения ИИ в корпоративное управление. В 2024 году АО «Самрук-Қазына» презентовал нейросеть SKAI (Samruk-Kazyna Artificial Intelligence), обозначив ее как «цифрового независимого члена Совета директоров с правом голоса» [8]. В этой связи, нейросеть принимала участие в заседаниях, в том числе на уровне премьер-министра, что позволяет говорить о фактическом тестировании новой модели участия цифровых систем в процессах управления. Однако, следует учитывать, что такой подход противоречит пункту 1 статьи 54 Закона Республики Казахстан «Об акционерных обществах» [9], в соответствии с которым членом совета директоров может быть только физическое лицо. Возникает ключевой вопрос: является ли ИИ самостоятельным «лицом» или представляет собой инструмент реализации воли человека либо коллектива? Если же ИИ получает право голоса, то кто несет юридическую ответственность за принятое им решение?

Подобные проблемы проявились и в кейсе Diella в Республике Албания – «виртуального министра» [10], представленного как цифровой голос правительства. В этой связи возникает вопрос относительно того, как Diella может являться министром, учитывая, что согласно статье 103 Конституции Республики Албания, *«любой, кто имеет право быть* ***депутатом,*** *может быть назначен министром»* [11]. В соответствии с со статьей 63 Избирательного кодекса Республики Албания, *«кандидатом в депутаты может быть* ***гражданин,*** *который соответствует критериям, предусмотренным статьей 45 и статьей 69 Конституции»* [12]. Кроме того, статье 4 Закона Республики Албания о гражданстве закрепляет, что *«гражданство Албании приобретается: а) по рождению; б) по происхождению; в) по рождению на территории Республики Албания; г) по натурализации; д) по усыновлению»* [13]. Таким образом, гражданином Албании может стать лишь ***физическое лицо***.

На уровне Европейского Союза (ЕС) дискуссия также развивалась активно. В резолюции Европейского парламента от 16 февраля 2017 года было впервые предложено рассмотреть

возможность закрепления статуса «электронной личности» для особо автономных роботов. Однако инициатива вызвала критику в Открытом письме по робототехнике [14] от 2018 года, подписанном сотнями специалистов в праве и ИИ, указывавших, что такая концепция приведет к подрыву основ гражданско-правовой ответственности. В последующих документах ЕС, включая Белую книгу «Об искусственном интеллекте – европейский подход к достижению совершенства и доверия» от 2019 года и особенно в Законе об искусственном интеллекте от 2024 года, идея электронной личности была полностью отвергнута. ЕС окончательно закрепил модель, в которой ИИ всегда рассматривается как объект правового регулирования, а ответственность лежит на разработчиках, поставщиках и пользователях высокорисковых систем.

Таким образом, современная наука и практика показывают, что идея наделения ИИ собственным статусом остается довольно спорной. С одной стороны, все больше государственных и корпоративных акторов экспериментируют с ИИ системами в процессах управления. С другой стороны, фундаментальные правовые риски – вопрос ответственности, невозможность реализации гражданских прав, отсутствие воли и сознания – препятствуют признанию ИИ субъектом права.

Заключение

Современный уровень развития технологий и состояние правовой доктрины позволяют заключить, что правосубъектность цифровых личностей, включая аватаров и ИИ-помощников, на данном этапе не может быть признана. Искусственный интеллект не обладает необходимыми критериями, традиционно связываемыми с правосубъектностью: отсутствием воли и сознания, отсутствием организационно-имущественной обособленности и органов управления, а также неспособностью к полному контролю над своими действиями. Практические эксперименты отдельных государств и организаций, пытающихся интегрировать ИИ в процессы публичного или корпоративного управления, лишь подтверждают наличие противоречий. Ситуации, в которых ИИ фактически назначается членом совета директоров или государственным должностным лицом, вступают в конфликт с конституционными и отраслевыми нормами, которые допускают такие статусы исключительно для физических лиц.

В рамках отечественного законодательства данный подход получает правовое закрепление. Принятый, но еще не вступивший в силу Закон Республики Казахстан «Об искусственном интеллекте» определяет ИИ как *«функциональную способность к имитации когнитивных функций, характерных для человека, обеспечивающую результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их»* [2]. Отнесение ИИ к объектам права обеспечивает необходимую определенность в вопросах распределения ответственности,

сохраняя ее за субъектами – разработчиками, владельцами и пользователями системы.

Вместе с тем растущая автономность цифровых технологий вызывает дискуссию о необходимости формирования специального правового режима для ИИ-систем. Такой режим не предполагает и не может предполагать признания ИИ субъектом права, однако способен учитывать функциональные особенности и риски, связанные с их использованием. Европейская модель, закрепленная в Законе об искусственном интеллекте, является показательной: ЕС создает особые требования к ИИ, не изменяя антропоцентричную природу права. Национальное законодательство, исходя из уже выбранного подхода, также может применить аналогичную конструкцию. Например, с помощью выделения отдельных категорий ИИ с особым уровнем автономности или риска и установления специальных требований к их внедрению, аудиту и контролю. Такой специальный режим представляется наиболее реалистичным и сбалансированным направлением дальнейшего развития правового регулирования.

Список литературы:

1. European Parliament resolution of 16 February 2017 with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL)) // URL:

2. Закон Республики Казахстан «Об искусственном интеллекте» от 17 ноября 2025 года № 230-VIII (не введен в действие) // URL:

3. Досье на проект Цифрового кодекса Республики Казахстан (сентябрь 2025 года) // URL:

4. Hon. Katherine B. Forrest "The Ethics and Challenges of Legal Personhood for AI" (Yale Law Journal Forum, 2024) // URL:

5. Jaynes, T.L. Personhood for artificial intelligence? A cautionary tale from Idaho and Utah. AI & Soc 40, 1559–1561 (2025).

6. Рыбин А.И. Правосубъектность искусственного интеллекта в свете концепций римского права // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2025. Т.54, No 3. С.76–91;

7. Сидорова Н.В., Дулатбеков Н.О., Кусаинова Л.К. Искусственный интеллект как правовая категория и объект правового регулирования // Вестник Карагандинского университета, серия «Право». 2024, 29, 3(115).

8. «Самрук-Қазына» первым в регионе внедрил цифрового члена СД на базе ИИ с правом голоса // URL:

9. Закон Республики Казахстан «Об акционерных обществах» от 13 мая 2003 года № 415 // URL:

10. Diella. Minister of State for Artificial Intelligence // URL:

11. Constitution of the Republic of Albania. Adopted on November 28, 1998 // URL:

12. Electoral Code of the Republic of Albania. Adopted December 29, 2008 // URL:

Guvohnoma № 636478 Litsenziya C-5669732 ISSN 3093-8546

13. Law № 113/2020 on Citizenship. Adopted July 29, 2020 // URL:
14. Open letter to the european commission Artificial Intelligence and Robotics // URL: